

2. Вертель В. А. Алгоритм получения частотного словаря с учетом длины словоформ / В. А. Вертель, Е. А. Вертель – М.: Наука, 1970. – 189 с.
3. Гончаренко В. В. Лексикографические, лингвистические и инженерно-лингвистические вопросы построения автоматического словаря (англо-русский автоматический словарь по полупроводникам): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / В. В. Гончаренко / Кишинев, гос. пед. ин-т. – Кишинев, 1972. – 28 с.
4. Заде Л.А. Основы нового подхода к анализу сложных систем и процессов принятия решений / Л.А. Заде // Математика сегодня. – 1974. – № 7. – С.65 – 93.
5. Мельничук И. А. Автоматический перевод / И.А. Мельничук, Р.Д. Равич. – М.: Наука, 1967. – 293 с.
6. Bloch B. Outline of Linguistic Analysis, Linguistic Society of America / B. Bloch, G.L. Trager – Baltimore: Waverley Press, 1942. – 227 p.
7. Bodmer F. The Loom of Language / Bodmer F. – New York: W.W. Norton & Co., 1944. – 289 p.
8. French N. R. The Words and Sounds of Telephone Conversations / N.R. French, C.N. Carter, W. Koenig. – Baltimore: Bell System Tech. J.9., 1930. – 298 p.
9. Jones D. An outline of English Phonetics / D. Jones – Cambridge, England: W. Heffer & Sons. – 1950. – 211 p.
10. Jones D. The Phoneme: Its Nature and Use / D. Jones. – Cambridge, England: W. Heffer & Sons. – 1950. – 175 p.
11. Miller G. A. Language and Communication / G.A. Miller – New York: McGraw-Hill Book Co., 1951. – 255 p.
12. Pershke S. Possibilities of Further Development of Automatic Language Translation // Pensiero e linguaggio in operazioni / S.Pershke – Milano. – 1970. – J.I. – P.76 – 109.
13. Piotrowski R. Automatic Pattern Recognition applied to semantic problems. Computational and mathematical linguistics R. Piotrowski, L. Pabilina // Proceedings of the 1973 International Conference on Computational Linguistics. – Pisa, 1974. – P. 64 – 87.
14. Zadeh L.A. Outline of a New Approach to the Analysis of Complex Systems and Decision Processes / L.A. Zadeh // IEEE TS MC. – 1973. – Vol. SMC-3, Jan. – P. 5 – 98.
15. Zipf G. K. Human Behavior and the Principle of Least Effort / G.K. Zipf – Cambridge, Mass: Addison Wesley Publishing Co., 1949. – 356 p.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Лариса Азарова – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри мовознавства Вінницького національного технічного університету.

Наукові інтереси: словотвір на діахронічному та синхронічному рівні, науково-технічна термінологія.

УДК 167.81'342

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЙ ВЛИЯНИЯ СЕГМЕНТНЫХ ЕДИНИЦ НА СУГГЕСТИЮ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Алла КАЛИТА (Киев, Украина)

У статті проаналізовано методологічні можливості досліджень впливу сегментних одиниць на сугестію висловлювання. Обґрунтовано системну матрицю методологічних альтернатив багатфакторних досліджень закономірностей взаємодії голосних і приголосних звуків у словах і на їх стижах в процесі створення змісту висловлення, на основі якої розроблено логіко-методологічну карту подальших наукових пошуків з даної лінгвістичної проблеми.

Ключові слова: методологія дослідження, сегментні одиниці, слово, матриця, суггестивний вплив, усне мовлення.

In the article the author analyzes the methodological possibilities of studying the effect which segmental units produce on the utterance subliminal stimuli. A systemic matrix of methodological alternatives of multifactor research works on interaction patterns of vowels and consonants within words and at their juncture in the process of creating the utterance meaning is substantiated. On the basis of the matrix the author suggests a logical and methodological card of this linguistic issue further studying.

Key words: research methodology, segmental units, word, matrix, subliminal influence, oral speech.

Если мыслить язык и речь как открытую целостную систему, характеризующуюся практически бесконечной совокупностью связей всего, что в ней есть, со всем, что ее окружает, то, с одной стороны, следует признать, что человеческому разуму, к сожалению, не дано одномоментно охватить весь, пусть даже четко структурированный, континуум возникающих в этой системе отношений. С другой стороны, дихотомическая природа мышления наделила наше сознание способностью к анализу, сущность которого заключается в последовательном осуществлении интеллигибельной вивисекции любого целого или целостности на конечное количество частей или элементов с последующим их синтезом в новое, определяемое задачей исследования, целое.

Благодаря этому, представления об элементах любой анализируемой системы, накапливаясь шаг за шагом в объеме научного знания, неизбежно структурируются в определенные парадигматические конструкторы, смылосодержательное обоснование которых обязательно включает те или иные связи с другими элементами системы. На следующих этапах своего развития наука получает возможность оперировать такими парадигмами, структурные элементы которых, как правило, представляют собой некие абстракции (целостность, причинно-

следственность, принцип, система, функция, структура, связи, закон, закономерность и т.п.). Исследователь, придерживающийся указанной методологической логики, неизбежно сталкивается с рядом артефактов и в результате этого получает стимул к выбору новых, ранее неизвестных объектов познания, позволяющих рассматривать совершенно новые причинно-следственные связи между любыми произвольно взятыми элементами системы, изучаемой им как целостность.

Однако изучение принципиально нового объекта, хотя и приводит, в конечном счете, к более продуктивным результатам, но, как правило, требует разработки соответствующей новой методологии для их достижения.

Мы не случайно прибегли к такому вступлению, поскольку в фокус одной из проблем разрабатываемой нами энергетической теории речи [13; 14] попадают причинно-следственные связи между сегментными единицами любого языка и речевой суггестией, которые до сих пор, как известно, не были предметом специального лингвистического исследования.

Вполне отдавая себе отчет в том, что речь идет, прежде всего, о решении методологической проблемы обоснования логики системного исследования нового объекта, независимо от того примет его модель вербальную, графическую или математическую форму, мы оказываемся перед необходимостью рассмотрения в том числе и существующих в лингвистике теоретических представлений о функциональной роли единиц сегментного уровня языка в процессах актуализации речи, а также структурных и смысловых связях, существующих между ними и остальными элементами речи.

Разработке этих представлений посвящено достаточное количество работ, отражающих природу речевой единицы, смыслозвуковую организацию текста, его звуковое оформление, фонетическое значение звуков, связь между значением и звуком и т.д.

По этому поводу У.Г. Рузин [31: 39] отмечал, что природа языковой единицы определяется очень сложной и в то же время подвижной совокупностью следующих факторов: 1) экстралингвистических, обусловленных объективной природой действительности, отображающейся в мыслях и языке; 2) концептуальных, связанных с закономерностями отражения объективного мира сознанием человека; 3) собственно языковых, порождаемых закономерностями их функционирования в речи.

В свою очередь, С. Ульманн подчеркивал, что звуки приобретают определенную степень символичности только в конкретном контексте (цит. по [37: 51-52]). Иные лингвисты [11; 20; 22; 38 и др.] также обращали внимание на роль содержательной звуковой организации текста в процессах его декодирования и эмоционального восприятия. При этом обычно имелось в виду [39: 2], что процесс восприятия и понимания смысла несколько сложнее, поскольку он возникает в результате слияния культурного, эмпирического и чувственного опыта, сложившихся в течение жизни и варьирующих от говорящего к говорящему в определенных речевых ситуациях. Обращалось внимание также на то, что смысл любого отрезка текста как определенного целого весьма сложно декодировать, не опираясь на относительную полноту понимания множества частей и деталей этого целого, являющихся носителями смысла, среди которых особое место занимают текстообразующие средства просодии и фоносемантики [4: 66].

Изучение звуковой ткани текста показало, что звуковое оформление не является случайным, а находится в соотношении с его эмоциональным насыщением. Было установлено, что сознательное нагнетание “светлых” или “темных” звуков в тексте способствует выражению эмоционального состояния говорящего и воздействует на адресата [1: 24-25]. Так, в английских текстах, связанных с выражением отрицательных эмоций или с обозначением темноты, была зафиксирована [33: 61] высокая частотность низких “темных” гласных /ɑ:/, /ɔ:/, /u:/.

Углубляя существующие представления, В.В. Левицкий [23: 66; 21: 91] отмечал, что символические значения звуков являются научной абстракцией, поскольку сами звуки без приписанного им смысла не имеют никакого значения. И, тем не менее, в сочетании с определенным смыслом они могут приобретать конкретные значения [23: 67]. Следовательно, слово как цепочка звуков состоит в семантическом отношении с элементарными звуко-смыслами, информирующими о значении всего звукового комплекса [12: 44].

Анализируя особенности декодирования смысла любого звукового сегмента, Г. Марчанд [40: 323-324] показал, что только два морфемных элемента слова играют релевантную роль: инициальный символ, то есть согласная (согласные), предшествующая гласному, и финальный, то есть гласная и финальная согласная (согласные).

Экспериментально также было установлено [11: 28-29], что фонетическое значение звуков речи базируется на их физических характеристиках, то есть оно не является порождением значений слов, поскольку в определенных аспектах его природа первичная, что также свидетельствует о его универсальном характере. При этом отдельные звуки, по мнению исследователей (см., напр., [22: 69]), вступая в различные сочетания с другими звуками, все же сохраняют свои основные физические и эмоционально-логические свойства и имеют разный

звукосимволический потенциал. Видимо поэтому З. Харрис считает [36: 188], что связь между звуковым портретом слова и его значением следует искать не среди отдельных фонологических элементов, а среди сочетаний звуков и их последовательностей.

При изучении символических свойств звуков многие ученые приходили к мысли, что их анализ может осуществляться и на уровне фонем, и на уровне единиц меньших или больших, чем фонемы, а именно на уровне фонетических признаков или сочетаний фонем. Кроме того, в ряде исследований [5: 34] отмечалось, что сочетание фонем, названных Дж. Р. Фирсом [35] фонестемами, имеют в разных языках достаточно четко выраженные символические функции, то есть имеют фонетическое значение [11: 37]. Исследуя семантическую природу сочетаний фонетических элементов в слове, М.М. Маковский [25: 74] обращал внимание на то, что их определенные качественные, количественные и позиционные (типологические) характеристики регулируют возможность или невозможность экстраполяции на конкретную фонетическую форму того или иного участка семантического спектра.

Размышляя над этим, Н.А. Слюсарева [32: 248] склоняется к мнению Л.В. Щербы о том, что фонемы являются лишь потенциально семантическими, в результате чего их функциональные свойства находятся на поверхности и доступны для изучения. Поэтому, вступая в разнообразные сочетания, они сохраняют свои основные физические и эмоционально-логические свойства.

Считая абсолютно очевидной связь между звуком и значением, В. фон Гумбольдт [8: 93-96] указывал на связь конкретных звуков с определенными понятиями. Исходя из аналогии связи понятий и звуков, особенно устойчивой в обозначении общих отношений, он считал, что словам с подобными значениями присуще также и сходство звуков [8: 95], утверждая, таким образом, единство звукового комплекса и значения.

Аппелируя к повседневной речи, М. Граммон [7: 52-55] различал следующие общие признаки звуков: ясные, острые, резкие, мягкие, тихие, неприятные, суровые и так далее. По его мнению, гласные и согласные звуки речи могут приобретать выразительные значения в соответствии со смыслом слова, в котором они встречаются. Целесообразно также упомянуть, что в работе М.В. Ломоносова [24: 241] подчеркивались более широкие символические возможности согласных, чем гласных. Об эстетическом воздействии на слушателя согласных звуков и их сочетаний говорилось еще в трудах римского оратора Квинтилиана (I в. до н.э.), который считал сочетания *s* и *x* или двух *s* на стыке лексических единиц неблагозвучными [2: 238]. Убедительной иллюстрацией фонетического значения английских лабиализованных гласных послужили известные эксперименты Э. Сепира [42: 225-239], которыми впервые было показано, что лабиализованные звуки используются для обозначения округлых и выпуклых предметов благодаря таким характеристикам артикуляции, как округление или выпучивание губ и увеличение ротового резонатора. Рассматривая особенности акустических свойств звуков, А.Н. Морозова и Т.В. Пахомова [27: 139] приходят к выводу, что сонанты как доминирующие звуковые элементы имеют большую функциональную нагрузку.

По известному утверждению М. Магнус [38], на уровне артикуляции любой звук – согласный или гласный – приобретает определенное значение, поскольку он является составным элементом значения слова и дифференцирует значения других слов, в составе которых он отсутствует. В основе этого звука-значения лежит форма звука, то есть его произношение. Этот аспект значения, актуализированный звуком, она считает более коннотативным, чем денотативным.

Хорошо известны также результаты исследования гласных звуков Т.А. Полукаровой [30: 55], в соответствии с которыми монофтонги /а:/, /у:/ и /э:/ ассоциируются с признаком “злой”, при этом звуки /у:/ и /э:/ считаются “тусклыми”, а /з:/ является к тому же единственным монофтонгом с признаком “отталкивающий”. Звук может ассоциироваться с выражением размеров предметов. Платон, например, относил звук /R/ к средствам, выражающим огромные размеры. Кроме того, низкие гласные связывают с обозначением темноты [33: 61], близким или далеким расстоянием (/i:/ и /а:/, /у:/, соответственно) [34: 177]. Прорывные согласные способны, в свою очередь, передавать ощущение кратковременности и отсутствия, непрерывности [34: 175]. Глухость согласных предполагает невнятность, отсутствие шума, звучности. При этом высокие или средние монофтонги в ударном слоге, в отличие от низких гласных или дифтонгов, придают большую интенсивность словам, содержащим глухие согласные [43: 11].

Добавим к этому, что круг вопросов рассматриваемой нами проблемы включает также ряд вопросов звукосимволизма, в основе которого лежит синестезия, обусловленная физическими свойствами звуков [6: 81-84; 23: 66; 37: 52-59]. Однако эта обусловленность имеет потенциальный, латентный характер и проявляется только тогда, когда звучание слова по тем или иным причинам реализуется в соответствии с его содержанием. Иначе говоря, сама синестезия как основа звукового символизма возникает только при таких условиях, когда возможна транспозиция одних видов ощущений в другие, когда между формой и содержанием в языке проявляется структурное сходство, когда есть общий для них стержень, с помощью которого и осуществляется «перевод» ощущений с одной сенсорной зоны в другую [22: 69-71].

Подчеркнем также, что чувственные реакции на звук являются врожденными компонентами нашего языкового представления. Передача многоаспектной природы наших внутренних представлений о звуке осуществляется за счет его модуляций, многообразие которых коррелирует с нюансами значений, то есть в языке, подобно музыке, мы через звучание облакаем значение в определенную форму [39: 2]. Проводя связанные с этим многочисленные эксперименты, А.П. Журавлев доказал, что звуки речи имеют определенный смысл и определенное значение [10; 11]. При этом в фонетическом смысле он подразумевал [11: 34] не обозначение понятий или предметов, а набор определенных признаков. Препарируя эту проблему, Л. Блумфилд [3: 162-163] акцентировал внимание на том, что английский язык особенно богат символическими формами, выполняющими функцию усиления, или интенсификации значения.

Рассмотренные нами представления лингвистов о соотношении между звучанием и значением показывают, что семантическая система любого языка фиксируется в образно-смысловой структуре текста, воспроизводящей не только тезаурус языковых единиц, но и сам процесс символизации, включая семантизацию единиц фонетического уровня, базирующуюся на феномене приобретения звуками символического значения, совпадающего в устном тексте со значением единиц других уровней языка. В силу этого, текстообразующие средства фонетического уровня, сигнализируя о наличии определенного значения или его оттенка, способны участвовать в создании смысла опосредованно – путем звуковой дифференциации его составляющих, происходящей в сфере сознания коммуникантов.

При этом вполне вероятно, что обусловленная смыслом слова или высказывания коммуникативная энергия звука осуществляет запуск когнитивных механизмов психики индивида. Действием указанных механизмов возбуждается эмоциональная сфера слушающего, обеспечивающая активное взаимодействие логического и эмоционального начал его личности, в результате чего воспринятое им звучание и значение, приобретая психоэнергетический потенциал конкретного содержательного единства, и оказывает свое суггестивное воздействие.

Как видим, анализируемая нами проблема влияния сегментных единиц на речевую суггестию весьма сложна. С одной стороны, из изложенного выше с необходимостью следует, что, любой язык, рассматриваемый под таким углом зрения, является не чем иным, как сложной открытой саморазвивающейся системой исключительно интеллигибельного характера. С другой стороны, становится ясно, что в процессе решения поставленной проблемы перед нами возникает задача комплексной проверки сформулированных выше теоретико-гипотетических допущений.

Понятно и то, что при познании указанного нами нового объекта в условиях отсутствия научной информации о степени влияния на его функционирование конкретных факторов или причин, эффективным должно оказаться применение метода многофакторного исследования [19: 97-182; 9: 157-172], позволяющего, в конечном итоге, ранжировать их номенклатуру по уровням значимости.

Для этого процесс влияния сегментных единиц на суггестию высказывания необходимо представить в форме широко известной абстрактной математической модели исследуемой системы (см., напр., [16: 105-121; 17: 37-40; 26: 109-158; 28]), называемой в кибернетике «черным ящиком».

Известно, что для описания образованной таким образом системы требуется, прежде всего, определить ее структуру, функцию и связи. Вполне очевидно, что в общем случае полная четырехуровневая структура рассматриваемой системы должна включать в качестве составляющих ее элементов отдельные звуки, слоги и слова с указанием их связей внутри высказывания. Однако в других случаях при постановке конкретных целей исследователь волен моделировать и такие схемы черного ящика, в качестве структурных элементов которых будут выступать лишь отдельные звуки, слоги, слова, высказывания, а также любые их комбинации.

Но здесь мы вынуждены акцентировать внимание на одном весьма важном методологическом требовании [17: 160], согласно которому разработка любых теоретических предпосылок или моделей изучаемого объекта может иметь смысл только при наличии четко поставленной цели исследования, поскольку по отношению к ней эти предпосылки выступают в роли лишь одного из средств ее достижения.

Напомним в связи с этим, что целью нашего анализа является методологическое обоснование возможности исследований влияния сегментных единиц на суггестию высказывания.

Из изложенной цели вполне понятно, что объектом нашего исследования должен служить процесс суггестивного воздействия звучащего высказывания на реципиента. При этом из формулировки цели несложно также убедиться в том, что предметами исследования выбраны альтернативы взаимодействия звуков и слогов в словах и на их стыках.

Отсюда, разумеется, что для экспериментального установления влияния сегментных единиц на суггестию высказывания достаточно рассмотреть структуру двухуровневой системы,

элементами которой будут отдельные звуки и слоги, а также существующие или возникающие между ними связи.

В таком случае необходимо, прежде всего, определить полную номенклатуру существующих в различных языках гласных и согласных звуков и их возможных сочетаний в структурах слогов и слов. Формально описать искомое номенклатурное множество позволяют, как известно [29: 13-21], методы кибернетической теории морфологического анализа и синтеза систем.

Для этого, абстрагируясь от артикуляционных характеристик звуков, мы вполне можем ограничиться такими, значимыми с точки зрения цели исследования, элементами системы любого языка, как гласные и согласные звуки, из альтернативных взаимодействий которых образуются слоги и слова. Приняв на основе этого, гласные и согласные звуки за классификационные признаки или факторы, мы получаем возможность построить морфологическую матрицу, приведенную в таблице 1.

Таблица 1

Матрица альтернативных объектов исследований, направленных на изучение влияния сочетаний гласных и согласных в словах и на их стыках на суггестию высказывания в существующих языках

Альтернативные варианты взаимодействия звуков	Гласный звук (V)	Согласный звук (C)	Сонант (S)	Два гласных (VV)	Три гласных (VVV)	Два согласных (CC)	Три согласных (CCC)
Гласный звук (V)	V + V	V + C	V + S	V + VV	V + VVV	V + CC	V + CCC
Согласный звук (C)	C + V	C + C	C + S	C + VV	C + VVV	C + CC	C + CCC
Сонант (S)	S + V	S + C	S + S	S + VV	S + VVV	S + CC	—
Два гласных (VV)	VV + V	VV + C	VV + S	VV + VV	VV + VVV	VV + CC	VV + CCC
Три гласных (VVV)	VVV + V	VVV + C	VVV + S	VVV + VV	—	VVV + CC	—
Два согласных (CC)	CC + V	CC + C	CC + S	CC + VV	CC + VVV	CC + CC	CC + CCC
Три согласных (CCC)	CCC + V	CCC + C	CCC + S	CCC + VV	—	CCC + CC	—

Как видно из матрицы, структурные элементы исследуемой нами системы образуют исчерпывающее альтернативное поле потенциально возможных сочетаний различного количества гласных и согласных звуков человеческой речи.

Проще говоря, мы получили искомую матрицу полной номенклатуры звукокомбинаций, потенциально функционирующих в речи человека. Наличие же в ней пяти незаполненных ячеек связано с тем фактом [41: 689-690], что в слове любого из известных языков не может быть более пяти подряд идущих согласных, а на стыке слогов или слов — не более пяти гласных. Абстрагируясь от природы происхождения (исконное происхождение, аббревиация, заимствование и т.п.) конкретных слов, укажем, что, например, в русском языке встречаются слова с четырьмя гласными (*радиоаудитория, метеоаэроболлетень*), пятью гласными (*Чиуауа*), четырьмя согласными (*монстр, присутствие*), пятью согласными (*доцентство, бодрствовать, усердствовать*).

Имея исчерпывающую методологически обоснованную номенклатуру возможных сочетаний различных количеств гласных и согласных звуков, перейдем непосредственно к оценке существующих методических средств для исследования степени их влияния на суггестию речи в целом, и высказываний в частности. Поскольку, как показано выше, речь идет о многофакторном экспериментальном исследовании, то становится очевидной необходимость рассмотрения специфики его планирования.

В процессе решения данного вопроса исследователю целесообразно, прежде всего, обратить внимание на возможность дифференциации слогов по таким, указанным в ячейках матрицы, признакам: количественные соотношения в них гласных и согласных, их дистрибуция, качественные характеристики конкретных звуков (для гласных – долгота, подъем, ряд и т.п; для согласных – глухость, звонкость, мягкость, твердость, фрикативность, латеральность, назальность и т.д.), а также и ассоциативные свойства отдельных звуков и их сочетаний (положительный/отрицательный, светлый/темный, крупный/мелкий, злой/добрый, опасный/комфортный, близкий/дальний и т.п.).

При таком подходе исследователь вынужден фактически иметь дело, как минимум, с четырьмя комплексами факторов, каждый из которых может охватывать от одного до n -ого количества конкретно фиксируемых факторов. Вообще говоря, он неизбежно столкнется с практически неограниченным полем альтернатив факторов, потенциально управляемых по его воле. Вполне естественно при этом, что выполнение полного факторного эксперимента (ПФЭ) в соответствии с методикой его планирования и проведения [26: 122-147] окажется неоправданно малопродуктивным по отношению к полученным результатам, поскольку при числе факторов $n > 5$ проведение эксперимента по плану ПФЭ становится чрезвычайно трудоемким. В таких случаях с целью уменьшения объема экспериментальных работ применяется метод, называемый дробным факторным экспериментом (ДФЭ) [26: 147]. Так, в рассматриваемом случае исследователь с оправданной необходимостью вынужден будет оперировать максимум четырьмя факторами.

В силу указанных обстоятельств идея поиска оптимальных методологических перспектив исследования гиперпроблемы влияния сегментных единиц на суггестивность высказывания вынуждает нас расширить статус выбранного объекта познания до уровня объектной сферы лингвистических исследований.

При таком подходе открывается реальная возможность как последовательного, так и параллельного изучения по унифицированной системно-методологической схеме любого количества объектов, входящих в состав указанной объектной сферы.

Для этого достаточно сосредоточить внимание на любом из конкретных объектов, сущность которых закодирована в каждой ячейке, наведенной на рисунке системной матрицы (Табл. 1). В таком случае смысл ячейки «ССС + V» мы можем, например, декодировать, как объект исследования, понимая, что им является процесс суггестивного воздействия на реципиента сочетания в словах высказывания трех согласных и гласного. Памятуя о прерогативе исследователя в выборе объекта познания, мы не можем отрицать его обоснованное право рассматривать при необходимости и более сложные объекты, формируемые путем интегрирования содержаний двух или нескольких, преимущественно, смежных ячеек матрицы.

Однако из матрицы очевидна рациональность формирования объектов такого типа путем интеграции в них содержания ячеек, рассматриваемых в пределах горизонтальных строчек или вертикальных столбцов. Редуцировав эту проблему непосредственно на уровень компетенции исследователя, мы получаем возможность перехода к вопросам методического характера.

С методической точки зрения важно, пожалуй, отметить целесообразность планирования в качестве первого шага экстремальных экспериментов, результатом которых будет нахождение максимального суггестивного воздействия сегментных единиц на психику реципиента. Тогда под вторым, закономерным, этапом вполне логично подразумевать организацию экспериментов, позволяющую на основе полученных результатов решать конкретные задачи оптимизации процессов взаимодействия языковых средств всех уровней для достижения эффекта суггестии.

Что же касается количественной оценки суггестивного эффекта, то на нее необходимо обращать особое внимание, поскольку методы многофакторного исследования, как известно [26: 109], направлены на математическое описание изучаемых явлений. Для этого в случае лингвистического исследования желательно осуществлять указанную оценку двумя широко применяемыми в нем методами: экспертным и аппаратным.

Подчеркнем, что экспертный метод с использованием относительной (100%) шкалы оценки степени суггестивного воздействия высказывания на реципиента в целом и сегментных единиц в частности лингвистам хорошо знаком.

Укажем также, что среди аппаратных методов, оборудование для которых выпускается промышленностью, известные в настоящее время следующие: электроэнцефалограмма (ЭЭГ), количественная электроэнцефалограмма (КЭЭГ), позитронная эмиссионная томография (ПЭТ), однофотонная эмиссионная компьютерная томография (ОЭКТ) и функциональная МРТ (ФМРТ). К сожалению, не все эти методы являются пока широкодоступными для лингвистов. Поэтому сегодня целесообразно рекомендовать лишь методы количественной электроэнцефалограммы и однофотонной эмиссионной компьютерной томографии или более простые частные методы: регистрации давления, пульса, активности потовыделения, расширения зрачка, для применения которых используются относительно простые технические средства. Напомним также что,

результаты, полученные экспертным и аппаратным методами, следует сопоставлять на основе их предварительного нормирования (обезразмеривания). Остается добавить, что полное описание феномена влияния звуков речи на реципиента может быть выполнено лишь на основании статистического обобщения характеристик восприятия им слова, высказывания, текста различных стилей речи.

Мы полагаем, что обоснованные в статье методологические положения, направленные на изучение влияния сегментных единиц на суггестию высказывания, могут быть использованы в качестве логико-методологической карты дальнейших научных разработок данной лингвистической проблемы.

БИБЛІОГРАФІЯ

1. Анисимова Р.В. Роль фонетических параметров в осуществлении функции воздействия поэтического текста / Р.В. Анисимова // Проблемы фоносемантики (тезисы выступлений на совещании). – М.: ИЯ АН СССР, Пензенский гос. пед. ин-т им. В.Г.Белинского. – 1989. – С. 24-26.
2. Античные риторики / Под ред. А.А.Тахо-Годи. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 352 с.
3. Блумфилд Л. Язык: Пер. с англ. / Леонард Блумфилд. – М.: Прогресс, 1968. – 607 с.
4. Богин Г.И. Герменевтический круг и фоносемантика // Проблемы фоносемантики (тезисы выступлений на совещании). – М.: ИЯ АН СССР, Пензенский гос. пед. ин-т им. В.Г.Белинского. – 1989. – С. 65-67.
5. Быстрова Л.В., Левицкий В.В., Шевченко О.Ф., 1989. Символические функции сочетаний фонем // Проблемы фоносемантики (тезисы выступлений на совещании). – М.: ИЯ АН СССР, Пензенский гос. пед. ин-т им. В.Г.Белинского. – 1989. – С. 34-35.
6. Воронин С.В. Основы фоносемантики / С.В. Воронин. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. – 244 с.
7. Граммон М. Звук как средство выразительной речи // Сборники по теории поэтического языка. Поэтика: Пер. с фр. – Пг., 1916. – Вып. 1. – С. 51-60.
8. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Вильгельм фон Гумбольдт / Общ. ред. Г.В. Рамшвили. – М.: ОАО ИГ "Прогресс", 2000. – 400 с.
9. Дикий Н.А., Халатов А.А. Основы научных исследований: Теплоэнергетика / Н.А. Дикий, А.А. Халатов; Под ред. Г.М. Доброва. – К.: Вища школа, 1985. – 223 с.
10. Журавлев А.П. Фонетическое значение / А.П. Журавлев. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1974. – 159 с.
11. Журавлев А.П. Звук и смысл / А.П. Журавлев. – М.: Просвещение, 1981. – 160 с.
12. Журавлев В.К., Камалаев А.К. Опыт фоносемантического анализа и синтеза / В.К. Журавлев, А.К. Камалаев // Проблемы фоносемантики (тезисы выступлений на совещании). – М.: ИЯ АН СССР, Пензенский гос. пед. ин-т им. В.Г.Белинского. – 1989. – С. 43-44.
13. Калита А.А. Актуалізація емоційно-прагматичного потенціалу висловлення: Монографія / Алла Андріївна Калита. – Тернопіль: Підручники і посібники, 2007. – 320 с.
14. Калита А. А. Энергетическая теория речи: ее сущность, современное состояние и перспективы исследования / А. А. Калита // Когниция, коммуникация, дискурс. – 2013. – №7. – С. 33-53.
15. Клименюк О.В. Системний підхід до інтенсифікації технологічних процесів / Олександр Валеріанович Клименюк. – Тернопіль: Лілея, 1998. – 264 с.
16. Клименюк О.В. Методологія та методи наукового дослідження: Навчальний посібник / Олександр Валеріанович Клименюк. – К.: «Міленіум», 2005. – 186 с.
17. Клименюк О.В. Технологія наукового дослідження: Авторський підручник / Олександр Валеріанович Клименюк. – К.-Ніжин: ТОВ «Аспект-Поліграф», 2006. – 308 с.
18. Корунець І.В. Порівняльна типологія англійської та української мов: Навчальний посібник. – Вінниця: Нова книга, 2004. – 464 с.
19. Кринецкий И.И. Основы научных исследований: Учеб. пособие для вузов / Иван Иванович Кринецкий. – К.-Одесса: Вища школа, 1981. – 208 с.
20. Кушнерик В.І. Фоносемантизм: гіпотези і факти / Володимир Іванович Кушнерик. – Чернівці: Книги-XXI, 2008. – 420 с.
21. Левицкий В.В. Семантика и фонетика. Пособие, подготовленное на материале экспериментальных исследований / Виктор Васильевич Левицкий. – Черновцы: ЧГУ, 1973. – 102 с.
22. Левицкий В.В. Звуковой символизм: Закономерности функционирования и источники порождения / В.В. Левицкий // Проблемы фоносемантики (тезисы выступлений на совещании). – М.: ИЯ АН СССР, Пензенский гос. пед. ин-т им. В.Г.Белинского. – 1989. – С. 69-71.
23. Левицкий В.В. Звуковой символизм. Основные итоги / Виктор Васильевич Левицкий. – Черновцы: ЧДУ, 1998. – 130 с.
24. Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию: В 10-ти т. – М.; Л.: Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Лгр., 1952. – Т. 7. – С. 89-378.
25. Маковский М.М. Язык – миф – культура. Символы жизни и жизнь символов / М.М. Маковский // Вопросы языкознания. – №1. – 1997. – С. 73-95.
26. Мальцев П.М., Емельянова Н.А. Основы научных исследований / П.М. Мальцев, Н.А. Емельянова. – К.: Вища школа, 1982. – 192 с.
27. Морозова А.Н., Пахомова Т.В. Фоносемантические свойства речевых отрезков с рядом препозитивных определений / А.Н. Морозова, Т.В. Пахомова // Фоносемантические исследования. – Пенза: Пензенский гос. пед. ин-т им. В.Г.Белинского. –1990. – С. 134-142.
28. Неуймин Я.Г. Модели в науке и технике: История, теория, практика / Я.Г. Неуймин. – Л.: Наука, 1984. – 189 с.
29. Одрин В.М., Картавов С.С. Морфологический анализ систем. Построение морфологических таблиц / В.М. Одрин, С.С. Картавов. – К.: Наук. думка, 1977. – 148 с.
30. Полукарова Т.А. Фонетическая значимость английских монофтонгов / Т.А. Полукарова // Проблемы фоносемантики (тезисы выступлений на совещании). – М.: ИЯ АН СССР, Пензенский гос. пед. ин-т им. В.Г.Белинского. – 1989. – С. 54-55.
31. Рузин И.Г. Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов / И.Г. Рузин // Вопросы языкознания. – № 5. – 1996. – С. 39-50.

32. Слюсарева Н.А. О семантической и функциональной сторонах языковых явлений // Н.А. Слюсарева / Теория языка. Методы его исследования и преподавания. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1981. – С. 243-249.
33. Чубарова А.Л. Фонетическое значение слова в стиливой дифференциации английского текста / А.Л. Чубарова // Проблемы фоносемантики (тезисы выступлений на совещании). – М.: ИЯ АН СССР, Пензенский гос. пед. ин-т им. В.Г.Белинского. – 1989. – С. 60-61.
34. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 480 p.
35. Firth J.R. Papers in Linguistics 1934-1951 / J.R. Firth // Papers 4, 15: The Use and Distribution of Certain Sounds in English; Modes of Meaning. – L.: OUP, 1951. – P. 54-65.
36. Harris Z. Methods in Structural Linguistics / Z. Harris. – Chicago: University of Chicago Press, 1951. – 193 p.
37. Lu A.Y.-Ch. Phonetic Motivation. A Study of the Relationship between Form and Meaning / A.Y.-Ch. Lu. – Munchen: Hieronymus, 1998. – 223p.
38. Magnus M. A Dictionary of English Sound / M. Magnus. – 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.trismegistos.com>.
39. Mahir M. Words Like Silver Fish: The Affective Component of Sound in Meaning / M. Mahir // English Teaching Forum. – 1995. – Vol. 33. – N3. – P. 2-5.
40. Marchand H. The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation: A Synchronic-Diachronic Approach / Hans Marchand. – Alabama: University of Alabama Press, 1966. – 379 p.
41. Menzerath P. Typology of Languages / P. Menzerath // The Journal of the Acoustical Society of America. – 1950. – Vol. XXII. – No. 6. – P. 689-701.
42. Sapir E. A study in phonetic symbolism / E. Sapir // Journal of Experimental Psychology. – 1929. – Vol. 12. – '3. – P. 225-239.
43. Wescott R.W. Sound and Sense. Linguistic Essays on Phonosemantic Subjects / R.W. Wescott. – Lake Bluff, Illinois: Jupiter Press, 1980. – 405 p.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Алла Калита – доктор філологічних наук, професор, професор кафедри теорії, практики та перекладу французької мови Національного технічного університету України «Київський політехнічний інститут».

Наукові інтереси: просодія емоційних висловлювань, когнітивна фонетика, психо-енергетика та сугестія мовлення.

УДК 811.111

GERMANISCHE SPRACHEN

Hilmar Tristan BRUNNER (Erding, Deutschland)

У статті зображена історія становлення, розвитку та актуалізації германських мов від зародження до сучасності. Особлива увага звертається на важливість діахронічних лінгвістичних розвідок.

Ключові слова: прамова, діакронія, еволюція мови, германські мови, зсув звуків.

The article deals with the formation history of formation and development, actualisation of Germanic languages since their origin to modern times. Some special attention has been given to the importance of diachronic linguistic research.

Keywords: parent language, diachrony, language evolution, Germanic languages, sounds shift.

Wer die Gegenwartssprache verstehen will, sollte sie auch als Gewordenes zu erfassen suchen, ihr Werden verfolgen. Was uns heute wie selbstverständlich von den Lippen geht, hat sich in langen Zeiträumen herausgebildet und in diesem evolutionären Prozess immer wieder verändert.

Deutsch ist, wie jedermann weiß, eine germanische Sprache. Als solche ist sie nächst verwandt mit dem Holländischen, dem Englischen und Friesischen und mit den skandinavischen Sprachen Dänemarks, Schwedens, Norwegens und Islands. Freilich ist heutzutage die Verwandtschaft des Deutschen mit den anderen Sprachen nicht mehr allzu deutlich erkennbar; das liegt daran, dass sie alle viele Jahrhunderte hindurch ihren eigenen Entwicklungsweg gegangen sind und sich voneinander entfernt haben. Vergleicht man aber die ältesten Sprachzeugnisse miteinander, so erkennt man leicht, wie viel näher die germanischen Sprachen einander damals noch standen. Es sind sich z. B. althochdeutsche (ahd.) und altniederdeutsche (altsächsische) und altenglische Literaturdenkmäler des 8./9. Jahrhunderts (die friesische und die nordische handschriftliche Überlieferung setzt erst mehrere Jahrhunderte später ein) sprachlich noch verhältnismäßig ähnlich, obwohl die Eigenentwicklung schon begonnen hatte. Auch dem noch älteren Gotisch, das wir aus der im 4. Jahrhundert geschaffenen Bibelübersetzung des Gotenbischofs *Wulfila* kennen, und sogar dem Ur- oder Runennordischen, das schon seit dem 2. Jahrhundert durch **Runeninschriften** bezeugt ist, stehen das älteste Altenglisch, Althochdeutsch und Altsächsisch noch nicht allzu fern. Je weiter man in die sprachliche Vergangenheit zurückgeht, desto deutlicher wird die anfangs noch sehr enge Verwandtschaft der germanischen Sprachen erkennbar. Man führt sie daher auch alle auf eine gemeinsame Grundstufe, das sogenannte Urgermanisch, zurück. Es wird in dieser ältesten Sprache unserer germanischen Vorfahren sicher auch schon Dialekte gegeben haben. Aber die Dialektunterschiede können nicht sehr groß gewesen sein, und man darf das Urgermanische, das wir bis zu einem gewissen Grade rekonstruieren können, als eine recht einheitliche Sprachform vorstellen.